

Новейшее исследование о российском анархизме*

Anatoly Shtyrbul

(Omsky State Pedagogical University, Russia)

The latest investigation about the Russian anarchism

DOI: 10.31857/S086956870009274-2

Проблема анархизма как идейно-политической доктрины и общественно-политического движения сложна и неоднозначна. Весомое тому подтверждение — исследование Валерия Владимировича Кривенького, выполненное на основе внушительного фактического материала, немалая часть которого впервые введена в научный оборот. Автор опирался на документы и материалы почти двух десятков архивов Российской Федерации, Украины, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Глубокое и объёмное исследование содержит также массу ярких фактов и важных деталей, помогающих понять феномен российского анархизма конца XIX — первой четверти XX в.

В начале исследования — историографический анализ работ коллег-предшественников. Не останавливаясь на деталях, лишь отмечу, что этот раздел — один из самых удачных в монографии, хотя местами автор уж очень суров к некоторым своим научным коллегам. Отдавая дань уважения предшественникам, Кривенький, тем не менее, отмечает, что в истории российского анархизма до сих пор остаётся немало «белых пятен» (с. 12).

Особое внимание уделено таким проблемам, как возникновение в Российской империи доктрин анархистов и генезис анархистского движения, а также до сих пор дискуссионному вопросу о времени образования первых действующих организаций анар-

хистов. Сравнивая разные подходы в исследовании темы, используя уникальные архивные документы, автор констатирует, что эти оргструктуры возникли на территории России в 1903 г. (с. 102), а их бурный рост и массовое анархистское движение в империи относит к марту—декабрю 1905 г. (с. 161).

Выигрышными сюжетами монографии стали идейно-политический анализ и характеристика разных течений, направлений и оттенков анархизма (анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-кооператоры, анархисты-индивидуалисты) и таких их ответвлений («фракций», «платформ»), как чернознамёнцы, хлебовольцы, безмотивники, ассоциационные анархисты, мистические анархисты и др.

Кривенький практически первым из отечественных историков сумел детально разобраться в разногласии и известной «путанице» всех этих составляющих анархистского движения, выделив их общие и отличительные черты. Именно удивительное разнообразие в этом движении, делает вывод автор, стало одной из причин того, что в период Октябрьской революции и Гражданской войны анархисты зачастую оказывались по разные стороны баррикад.

Пристальное внимание уделено соотношению анархизма как такового и терроризма как политического инструмента в деятельности анархистов

* Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организации, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.

(с. 154—167). Убедительно показано, что, хотя их большинство в той или иной мере признавали и практиковали террор, нельзя при этом ставить знак равенства между анархизмом и терроризмом. Небольшая часть анархистов, безусловно, отвергала террор.

Детально рассмотрен исторический сюжет о политической деятельности российских анархистов в эмиграции, однако в монографии практически отсутствует информация об анархистской политической ссылке (за исключением нескольких эпизодических упоминаний, в том числе о «Туруханском бунте»), основным районом которой, как известно, была Сибирь. Между тем факты свидетельствуют, что даже пребывая в ссылке, некоторые анархисты не прекращали политической деятельности. Это были поддержка связи с «большой землёй» (главным образом путём переписки); революционная агитация и пропаганда среди местного населения; теоретическая разработка анархистских доктрин; подготовка и осуществление побегов, в том числе массовых и вооружённых. Отмечу при этом, что автор почему-то не использовал значительный массив материала, наработанный известным сибирским исследователем политической ссылки Э.Н.(Ш.) Хазиметовым.

Значительное место Кривенький отводит биографическим характеристикам героев и таким важным деталям, как морально-психологические черты той или иной личности. Это позволяет по-новому взглянуть на идейно-политическую эволюцию некоторых анархистских деятелей, понять логику их поведения и уточнить (а то и обновить) историческую оценку этих личностей. Таковы в монографии дополнения к историческим портретам Я.В. Махайского, В.А. Поссе, Д.Г. Богрова, П.Д. Турчанинова, Я.И. Тряпицына и др.

Кроме того, автор пытается выявить обобщённый социальный облик анархизма и создать «коллективный социальный портрет» этого политического движения (с. 123) в дополнение к уже созданным другими авторами (в частности В.Д. Ермаковым). Важно и положительно то, что эти несколько разные «портреты» в итоге дополняют друг друга и помогают создать соответствующую общую картину.

Одним из первых в историографии автор системно рассмотрел проблему участия анархистов в блоке левых сил во время борьбы с самодержавием. Он убедительно доказал, что, несмотря на многие противоречия и трения, большинство анархистов действовали в блоке с другими левыми партиями и группами, особенно в период высшего подъёма Первой российской революции (с. 167—171). Эта линия поведения, считает автор, просматривается у анархистов и в 1917—1920 гг., но уже не так однозначно, как в борьбе с царизмом.

Интересен раздел о роли анархистов в кронштадтских событиях 1921 г., которые, как и «махновщина» (1918—1921), представлены в монографии в общем контексте происходивших в стране политических событий и российского анархистского движения в целом, что ранее редко кто из историков делал. Сильной стороной исследования также является сопоставление опыта анархизма первой четверти XX в. с современным состоянием этого политического движения в России (в этом вопросе автор демонстрирует достаточно высокую степень осведомлённости).

Тем не менее рецензируемый труд имеет ряд недочётов и недостатков. Так, анархистское движение Февраля—Октября 1917 г. — особого и важнейшего периода в российской истории — логично было бы не объединять в одной

главе с межреволюционным этапом (июнь 1907 г. — февраль 1917 г.), а представить отдельно. Тогда материал об анархистской деятельности в 1917 г. можно было бы дополнить некоторыми материалами из работ отечественных историков, в частности фактами и выводами новейших научных разработок нижегородского историка В.П. Сапона.

Местами в расположении материала по регионам проступает некоторая непропорциональность. Так, дана детальная и объёмная характеристика эпопеи «тряпицынщины» на Дальнем Востоке (с. 317—355), но ни слова не сказано о «роговщине», «новосёловщине» и «лубковщине» в Западной Сибири. Г.Ф. Рогов, И.П. Новосёлов, П.К. Лубков в монографии вообще не упоминаются, хотя, «роговщину», к примеру, некоторые исследователи считают движением по сути, типологии и размаху в целом сопоставимым с «тряпицынщиной» и даже отчасти с «махновщиной». В результате имеется некий «географический перекос» в общей картине исследуемой темы.

Подобное наблюдается и в связи с показом деятельности анархистских отрядов в России весной—летом 1918 г.: «сибирские» факты лишь кратко и мимоходом упоминаются в двух—трёх случаях, между тем подобный «сибирский» материал по объёму и значению не уступает «украинскому» и «центрально-российскому». Это тем более досадно и странно, что Кривенький реально располагал фактами, ранее введёнными в научный оборот сибирскими историками. Кроме того, на мой взгляд, заключение в монографии могло бы быть более пространным и ёмким.

Вышеназванные замечания, конечно же, не ставят под сомнение высокую оценку труда Кривенького. Также отмечу, что безусловная науч-

ная смелость автора сочетается с его научной скромностью. Автор отнюдь не претендует на исчерпывающий характер своего исследования и не считает общую научную картину истории анархизма в России законченной. Он заявляет, что данная проблема ещё далека от полного завершения и нуждается в уточнениях и дополнениях. Представляется, что ключевым словом, характеризующим авторские методы исследования и изложения материала, является «системность». Кривенький сумел донести до читателя фантастический по объёму исторический материал во всех его подробностях (иногда мельчайших), необходимых для понимания общей картины российского анархизма первой четверти XX в.

Основной массив исследования выгодно дополняют пять приложений, расположенных на 40 страницах и представленных в виде содержательных и чётких таблиц с массой фактических данных и подробнейшими ссылками на источники. Здесь содержатся следующие сведения: заграничные эмигрантские организации российских анархистов до 1918 г.; проходившие в 1900—1917 гг. анархистские съезды, конференции и совещания объединительного характера; представительство анархистов в центральных советских органах в 1918—1922 гг. и их место в общей массе левых политических сил. Работа снабжена пространным именным указателем.

Фундаментальная монография В.В. Кривенького (по сути, энциклопедия российского анархизма первой четверти XX в.) демонстрирует новый этап историографии рассматриваемой темы, вносит значительный вклад в общую картину отечественных исследований, посвящённых судьбоносному и драматическому периоду истории России.